

Небылица Н.В.

ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ЭТНИЧЕСКОГО САМОВЫРАЖЕНИЯ И ФОРМА ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Едва ли какая сторона человеческой деятельности или форма проявления человеческого духа может сравниться с языком по тому вниманию и постоянству неподдельного интереса, которыми он окружен с древнейших времен. Это не случайно. Язык не просто сопутствует человеку с первого дня его жизни до последнего. Благодаря слову человек выделяется в биологическом мире. Поэтому день, когда ребенок произносит первое коротенькое слово, так же значителен, как и день его рождения.

Печатью слова отмечена вся жизнь человека, начиная от имени, которое, по архаичным представлениям, должно быть «согласованным» с его носителем, «соответствующим» ему, и заканчивая гимнами и песнями, просьбами и молитвами, проклятиями и пожеланиями, пословицами и поговорками, плачами и заговорами и вполне обычной каждодневной речью.

Чаще всего, характеризуя язык, квалифицируют его как средство общения, тем самым как бы подчеркивая его второстепенность, вспомогательность, сугубо «техническую» предназначенность. Безусловно, язык является совершеннейшим и универсальнейшим средством общения. Это лишь одна из функций языка, но не единственная, а в каких-то условиях, может быть, даже и не самая главная.

Оценка языка как формального феномена - средства общения - неотделима от рассмотрения его функций во внутри- и межэтническом измерениях. Дело в том, что, чем шире сферы межэтнического использования того или иного языка, тем больше он выступает как просто средство общения для иноэтнических представителей.

История использования и функционирования языка - это в такой же мере история обретений, накопления языковых средств, в какой и история их утрат. Вместе с тем совершенно очевидно - и это подтверждается многочисленными примерами из жизни самых разнотипных языков, что количество и интенсивность утрат неизмеримо велико у тех из них, которые, перешагивая этнические границы, принимали на себя роль межэтнического, интернационального, средства общения.

Внутренняя форма языка, представляющая собою важнейший содержательный компонент его этнически обусловленной самобытности, оказывается чрезвычайно чувствительной к чужеродным воздействиям: она просто необратимо разрушается под ударами слишком свободного, содержательно не мотивированного и интуитивно не контролируемого употребления этническим опытом выработанных языковых средств. Это, в свою очередь, служит толчком к перестройке, переориентации семантической структуры слова, его словообразовательных, синтаксических, стилистических и прочих связей, а также его звукового облика. Интернационализация языка - это одновременно и шаг к его денационализации, формализации, превращению в обычное средство общения.

Означает ли сказанное, что мировые языки уже в силу их роли в обеспечении международного общения обречены на денационализацию? Разумеется, если к тому же они свободны от выполнения конфессиональных функций, как правило, сдерживающих процессы, приводящие к утрате внутренней формы. В целом же мировые языки - это прежде всего средства общения между народами. Вместе с тем это и средства созидания межэтнической культуры и межэтнического типа жизни, этнически нейтрального речевого поведения.

Язык в этнических границах его носителей - это не только и не столько средство общения, сколько память и история народа, его культура и опыт познавательной деятельности, его мировоззрение и психология, закреплявшийся из поколения в поколение багаж знаний о природе и космосе, о болезнях и способах их лечения, о воспитании и подготовке к жизни новых поколений людей в интересах сохранения и умножения этноса и его самобытности. Тем самым язык представляет собой форму культуры, воплощающую в себе исторически складывавшийся национальный тип жизни во всем ее разнообразии и диалектической противоречивости.

Таким образом, язык является средством идентификации для тех, кто им владеет, а следовательно, и системой символов, значений, ценностей, вокруг которых консолидируется человеческая общность, с четко выраженными, неповторимыми качествами, свойственными только ей [3, с. 103].

«В любой общественной группе вне зависимости от ее свойств и величины язык играет важнейшую роль,— писал Ж. Вандриес. — Он — самая крепкая связь, соединяющая членов группы, в одно и то же время он — символ и защита группового единства. Может ли быть более действительное орудие для утверждения факта существования группы? Язык так гибок, так богат оттенками, так тонок, так пригоден к самому различному употреблению; он — средство общения между членами группы, условный знак принадлежности к группе» [2, с. 222]. Принадлежность к языковой общности - это не историческая условность, детерминируемая исключительно социологическими факторами, но представляет собою «могущественный инстинкт» «любого общественного организма» [2, с. 221].

В суждениях Ж. Вандриеса чрезвычайно важными должны быть признаны тезисы о том, что а) язык — это символ и защита общественной группы и б) язык — это «могущественный инстинкт» этноса. Как этническая сущность не может быть исчерпана лишь социально-историческими характеристиками, полностью отрешенными от биологического элемента, так и природа языка в качестве необходимого признака этноса далеко не исчерпывается указанием на его коммуникативную роль. Это охранительный инстинкт

этноса, вместе с тем таящий в себе безграничные потенциальные возможности его духовного, культурного, эстетического, интеллектуального развития и совершенствования.

Утрата языка ведет к уничтожению его носителя – определенной общности, нации, этноса. Утрачиваются те ценности, ориентиры, которые были выстраданы и добыты этносом в ходе его истории. Личности, которая не идентифицирует себя с представителями определенной общности, угрожает положение человека без рода и племени, что в некоторой степени синонимично человеку без идеалов, взглядов, морали. Конечно, каждый человек имеет свой собственный взгляд на жизнь, чем и характеризуется его личность. Но мировоззрение личности не возникает на пустом месте. Оно вырастает на определенном культурном грунте и в значительной степени детерминируется последним. Этот грунт – картина мира этноса, которая эксплицируется и выражается при помощи живого языка. Картина мира является той общей мировоззренческой базой, без которой не могут осуществляться общение и взаимопонимание членов общности, соответственно, не может быть и речи о существовании отдельной самобытной общности – народа или этноса. Этот компонент мировоззрения человека содействует тесной связи знаний и поведения людей в обществе. Он имеет характерную тенденцию к унификации образов реальности и стремление к гомогенному видению действительности. На этом видении реальности основываются те специфические мировоззренческие идеалы, которые свойственны отдельному народу как индивидуальности среди других народов мира. Ориентируясь на эти идеалы, человеческая общность создает отдельную самобытную культуру, в которой находит свое самовыражение ее индивидуальность [3, с. 103].

Хотя проблема причинной связи между этническим языком, с одной стороны, и этническим мировоззрением, этнической культурой - с другой, не знает однозначного решения, тем не менее вполне очевидным можно считать тот факт, что «родной, употребляемый нами с раннего детства язык способен навязать нашему мышлению формы, в подчинении у которых мы будем находиться в течение всей жизни» [1, с. 24]. «Родной язык неотъемлем от нашего мышления. Он тесно связан со всей нашей жизнью—личной и общественной; выразитель наших радостей и страданий, наших желаний, нашей ненависти, наших чаяний, он становится для нас символом нашей личности и общества, в котором мы живем. Эта вера в чуть ли не предопределенную гармонию отвечает глубочайшей потребности нашего бытия — потребности в равновесии и синтезе» [1, с. 28].

Реализуя потребность в равновесии - как личном, так и общественном (коллективном, этническом), язык представляет собою важнейшее средство управления индивидуальным и групповым сознанием, общественным мнением в целом, то ли возводя его в ранг мощного фактора, обеспечивающего неотвратимость события, то ли переводя его в разряд глупости или скабрёзности, недостойной думающего человека либо общества. Если иметь в виду этнически детерминированные запреты в употреблении языка, то сюда должны быть отнесены все случаи, связанные с такими явлениями, как эвфемизмы, табу, культовые перифразы и т. д. И наоборот, то, что отмечено этническим расположением, приобретает статус этнокультурной доминанты на определенном периоде истории. Всю историю с той или иной степенью систематичности условно можно представить в виде двух параллельных линий: линии запретов и линии этнически принятых на соответствующее время установлений, на которых и строятся культурно-идеологические доминанты, ключевые понятия и выражения и т. д. Крайней формой подобных доминант, согласованных с теми или иными социально-классовыми устремлениями, являются лозунги, сопровождающие социально-политические потрясения.

Таким образом, язык – это не просто форма и не просто средство коммуникации, это плюс к тому и целый вполне самостоятельный мир, законы и правила которого, будучи языковыми по своей сути, оказываются исключительно тонко соотношенными как с социальной психологией его носителей, так и с типом, а также структурой создаваемой ими культуры. Этнокультура или невозможна вне этнического языка, или, если и возможна, то неубедительна, ибо ни в чем этнос не раскрывается так полно, так широко, так тонко и неповторимо, как в его языке. С другой стороны, язык, оторванный от этнической культуры, этнического мировоззрения и опыта познавательной деятельности, лишается своей глубинной сути, тем самым трансформируясь в одно из средств общения.

Вхождение в иноэтническую культуру, ее приятие предполагает овладение соответствующим языком не только как средством общения, но и как важнейшей частью самой этой культуры.

Низкий уровень языковой культуры отдельных носителей и общества в целом губителен для духовного развития как отдельного человека, так и для всей нации. Каждый национальный язык - это неповторимый человеческий опыт, неповторимая точка зрения, которая обеспечивает возможность взаимодополнения разных культур. Потеря любого языка означает не только гибель отдельной нации, но и непоправимую потерю для человечества [5, с. 29].

Что касается Украины, то в советские времена сложилась абсолютно ненормальная ситуация, когда в стране господствующим языком стал русский. Совершенно естественно, что в условиях независимости Украины, такое положение не могло оставаться неизменным. Государство Украина должно было взять украинский язык под свою защиту, что и сделало.

Неудивительно, что это правительственное решение привело к осложнению политической обстановки в Украине. Одним показалось, что закон о государственности украинского языка выполняется чересчур свободно, другие же были убеждены, что этот процесс неоправданно ускоряется.

Путь к языку через приобщение к культуре, а не посредством принуждения и статусного ущемления - это и важный фактор консолидации населения Украины, утверждение ее суверенитета и независимости.

Для консолидации граждан Украины русскоязычное население целесообразно знакомить с историей страны на его родном языке. “Ни в коем случае нельзя начинать украинизацию с языка, а только с истории и культуры, т. е. с того, что способно заинтересовать и объединить... В свободном государстве язык не может и не должен быть признаком патриотизма. Определяющим признаком является не язык, а самосознание, а потому и основные акценты в так называемой украинизации (правильнее было бы назвать ее культурно-просветительной работой) должны ставиться на этом” [4].

Без создания соответствующих условий – открытия украинских детских садов, средних школ, вузов, без издания учебников, произведений художественной литературы, без украиноязычных радио и телевидения, административное принуждение к овладению украинским языком не даст желаемых результатов. К тому же, переход с одного языка на другой, является долгим процессом.

Необходимо спокойно относиться и к тому, что в Украине есть и будут регионы, где наравне с государственным украинским широко распространены и родной язык: русский, венгерский, татарский, румынский и другие. В Крыму, при обзоре этнического состава его населения, придется общаться на трех языках, независимо от их официального статуса [7, с. 328-329]. К тому же Крым, непосредственно прилегая к территории не Западной, а Восточной Украины, будет зависеть от языковой ситуации последней. Вот почему стоит, учитывая специфику Западной Украины и Крыма, сосредоточить внимание на языковой ситуации Восточной Украины как региона, который и своим положением, и численностью населения, и экономической мощью является наиболее весомым для судьбы Украины в целом.

Язык на всех его уровнях находится в непрерывном движении, в вечном обновлении, оставаясь в то же время прочной и устойчивой опорой национальной культуры. Наиболее эффективный и демократический путь расширения масштабов использования языка “титального” народа – повышение уровня культуры, для которой данный язык базовый, а также пробуждение интереса к этой культуре, желание овладеть ею.

Литература

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка.- М., 1955. – 416 с.
2. Вандриес Ж. Язык. – М., 1937.
3. Здіорук С.І., Штоквиш О.А. Мовна культурна та етнічна ідентифікація// Онтологічні проблеми культури: Збірник наукових праць – К., 1994. – 220 с.
4. Новая Украина - куда идти?// Философская и социологическая мысль.- 1992. - № 5.
5. Пінчук О.Ф. Мова, людина, нація// Актуальні проблеми соціолінгвістики: Зб. наукових праць. – К., 1992. – 99 с.
6. Тарланов З.К. Язык и культура. – Петрозаводск, 1984. – 104 с.
7. Толочко П.П. Від буття до свідомості чи від свідомості до буття// Толочко П.П. Від Русі до України: Вибрані науково-популярні, критичні та публіцистичні праці. – К., 1997. – 400 с.